

Жан-Клод Грюмбер

К ТЕБЕ, ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Зубная трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ШАРЛЬ СПОДЕК

.

КЛАРА СПОДЕК

.

СЮЗАННА

.

АКТЕР «НА ВСЕ РУКИ»

.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ

.

МОРИСЕТТА

.

ХОР

.

Пьеса может игратья четырьмя актерами.

1. ВМЕСТО ПРОЛОГА

В доме у

Сподеков

. Это одновременно квартира и зубо­врачебный кабинет.

ШАРЛЬ

. Ты с ними говоришь.

КЛАРА

. Да нет.

ШАРЛЬ

. Нет, говоришь.

КЛАРА

. Какая сегодня погода, добрый день, добрый вечер, как дела...

ШАРЛЬ

. Вот-вот: как дела.

КЛАРА

. Да нет же, это говорится просто так.

ШАРЛЬ

. С жестами.

КЛАРА

. С жестами? С какими жестами? Шарль, ты меня пугаешь.

ШАРЛЬ

. Они входят и, губами отвечая тебе «спасибо, хорошо», глазами сразу задают тебе встречный вопрос.

КЛАРА

. Задают мне вопрос?

ШАРЛЬ

. Глазами.

КЛАРА

. Да нет.

ШАРЛЬ

. А ты, ты в ответ склоняешь голову, ты заламываешь руки.

КЛАРА

. Да нет, никогда в жизни. Зачем, зачем ты так говоришь?

ШАРЛЬ

. Ты проводишь их в гостиную...

КЛАРА

. В приемную. Ну да, провожу.

ШАРЛЬ

. Проскальзываешь туда вместе с ними. Вы достаете свои носовые платки и шепчетесь, промокая глаза.

КЛАРА

. Шарль, о чем ты говоришь!

ШАРЛЬ

. А потом, опустив голову, они входят ко мне в кабинет, при виде меня вздыхают, качают головой, взбираются на кресло, опять вздыхают. Потом следуют старательное вытирание глаз, новый вздох, сморкание, еще раз сморкание. А я тем временем жду, когда они соизволят открыть рот и закрыть глаза.

КЛАРА

. Кому же нравится ходить к зубному врачу, Шарль, кому?

ШАРЛЬ

. Знаю, никому.

Короткая пауза.

Клара

вытирает глаза. Натиск, похоже, отбит.

Однако он продолжает.

Тем более когда знаешь, что у зубного врача и его жены одна дочь депортирована, а другая в монастыре.

КЛАРА

. Я об этом никогда не говорю. Клянусь тебе чем угодно... Никогда-никогда, ни с одним человеком.

ШАРЛЬ

. Когда ты не будешь об этом говорить в следующий раз, ты, пожалуйста, скажи им, что по-прежнему нет ничего нового, за исключением одного: раз наша дочь больше не хочет нас видеть, то теперь мы тоже больше не хотим ее видеть.

КЛАРА

. Зачем? Ну зачем ты так говоришь?

ШАРЛЬ

. Только затем, чтобы ты знала, что сказать, когда ты ничего не говоришь.

КЛАРА

. Никогда, никогда в жизни я не скажу ничего подобного. Зачем мне такое говорить?

ШАРЛЬ

. Затем, чтобы пациентки прекратили взбираться на мой трон с таким выражением, будто пришли на похороны.

(Смотрит на часы.)

Кто сейчас должен прийти?

(Продолжает, не дав Кларе ответить.)

Чтобы они поберегли свою жалость для тех, кто в ней нуждается больше, чем мы. И главное, главное, чтобы они раз и навсегда перестали торчать у меня в приемной.

КЛАРА

. Шарль, ты хочешь разогнать всех пациентов?

ШАРЛЬ

. Я хочу полностью обновить свою клиентуру. Да! Я хочу видеть в моем кресле только жизнерадостные физиономии людей, которые ничего не знают ни про нас, ни про наших дочерей. Хочу пациентов, которым плевать на депортированных, на газовые камеры и даже на кармелиток — да благословит их Господь. Хочу, чтобы моими пациентами были одни только бывшие полицаи с гнилыми зубами, бывшие коллаборационисты с беззубыми ртами и авторши анонимных писем. Чтобы у меня была возможность рвать им нервы по живому!

Раздается звонок.

Клара

, стараясь подавить рыдание, поднимает палец.

КЛАРА

. Шарль, звонят.

ШАРЛЬ

. Звонят, ну да, звонят, иди открывать. Кто там еще?

КЛАРА

. Мадам Сюзанна.

ШАРЛЬ

. Мадам Сюзанна и ее молокосос с гнилыми зубами? Мальчишка просто золотая жила для дантиста. Если только дантист не знает, что вслед за составом, которым депортировали его отца, ушел состав, где находилась...

(Кусает нижнюю губу и трясет головой.)

КЛАРА

(шепотом).

Ты сам всегда отказываешься брать с нее деньги. Она готова платить, она может, она работает.

ШАРЛЬ

. Ну да, конечно, я буду брать деньги с вдовы депортированного! Что ты там возишься со своим платком?

КЛАРА

. У меня насморк.

Звенит звонок.

Клара

стремительно бросается к входной двери — словно мышка, внезапно вырвавшаяся из когтей кошки.

ШАРЛЬ

. Подожди, ты помнишь, что надо сказать?

КЛАРА

(не оборачиваясь).

Ничего. Сказано тебе, я ей никогда ничего не говорю. Мы с ней никогда про это не говорили.

ШАРЛЬ

. А что тогда она плачет?

КЛАРА

. А ты не думаешь, Шарль, что у нее есть свои собственные причины, чтобы плакать? Собственные причины!

Звенит звонок.

Иду, иду.

ШАРЛЬ

(направляясь в кабинет).

Этот звонок, этот мерзкий звонок действует мне на нервы. Напомни, чтобы я его сменил.

Клара

открывает входную дверь.

Дантист

исчезает в своем кабинете.

На пороге обе женщины быстро обмениваются взглядами и коротко обнимаются.

Сюзанна

достает носовой платок и молча промокает глаза. Вместе они направляются в приемную.

СЮЗАННА

(звонким голосом).

Он не приходил?

КЛАРА

. Сынуля? Нет, не приходил.

СЮЗАННА

. Он был на футболе.

КЛАРА

. Он играет в футбол?

СЮЗАННА

. Мы с ним договаривались встретиться у подъезда, но я смотрю, уже много времени, и подумала, что он поднялся, не дожидаясь меня.

КЛАРА

. Ну что вы, мадам Сюзанна, он бы так не поступил.

Обе женщины прошмыгивают в приемную.

Теперь

Сюзанна

глазами уже откровенно спрашивает

Клару

, как дела. Жена дантиста качает головой, что означает «ничего нового», и одновременно прикладывает палец к губам, призывая молчать.

Сюзанна

жестом показывает, что поняла, потом, качая головой, шепчет.

СЮЗАННА

. Ой-ой-ой-ой-ой...

Они снова обнимаются. Появляется

дантист

. Обе женщины вздрагивают, словно застигнутые на месте преступления.

ШАРЛЬ

. Добрый день, мадам Сюзанна.

СЮЗАННА

. Добрый день, доктор.

ШАРЛЬ

. Вы одна?

СЮЗАННА

. Он будет с минуты на минуту.

КЛАРА

. Он идет с футбола.

ШАРЛЬ

. Так, так, значит, он играет в футбол... При том, что носит очки!

СЮЗАННА

. Он их снимает, доктор, теперь он их снимает. Он мне уже две пары разбил.

ШАРЛЬ

. И он видит мяч без очков?

СЮЗАННА

. Это же футбольный мяч, доктор.

КЛАРА

. Он большой, ты же прекрасно знаешь, Шарль.

ШАРЛЬ

. Пока его нет, чтобы не терять времени, давайте посмотрим ваш кариес.

СЮЗАННА

. У меня нет кариеса, доктор.

ШАРЛЬ

. Зовите меня лучше *her professor*.

СЮЗАННА

. Как, простите?

ШАРЛЬ

. «Доктор» мне не нравится.

КЛАРА

. Что ты такое говоришь! Да зовите его, в конце концов, просто «месье Шарль», мадам Сюзанна. Он просто шутит с вами.

СЮЗАННА

. У меня всегда были хорошие зубы.

Пока она взбирается на кресло, у нее вдруг вырывается рыдание. Вторая ей, готова разрыдаться и Клара, которая отворачивается и делает вид, что сморкается.

ШАРЛЬ

. У вас нет кариеса и вы плачете? Плакать должны я и моя жена! Если ни у кого не будет кариеса, что будет с нами?

СЮЗАННА

. Я не плачу, с чего бы я стала плакать, доктор? Спасибо, я уже наплакалась.
(Сидит в кресле с открытым ртом.)

ШАРЛЬ

. В таком случае вы в прихожей подцепили Кларин насморк.
(Осматривает ее.)
Мальчик пошел не в вас, у него все зубы гнилые.

СЮЗАННА

. В войну ему не хватало сахара.

ШАРЛЬ

. Сахар вреден для зубов. Вы, по крайней мере, не пичкаете его сладостями?

СЮЗАННА

. Сладостями? Да где же я их возьму, эти сладости?

ШАРЛЬ

. У американцев.

СЮЗАННА

. И что, разве у меня есть знакомые американцы?

ШАРЛЬ

. К двадцати годам у него во рту не останется ни одного зуба.

СЮЗАННА

. У кого, у моего сына?

ШАРЛЬ

. Если только он не начнет наконец соблюдать гигиену.

СЮЗАННА

. Он ее соблюдает, конечно же, соблюдает.

ШАРЛЬ

. Каждое утро?

СЮЗАННА

. Конечно, каждое утро умывается.

ШАРЛЬ

. И чистит зубы?

СЮЗАННА

. Конечно, чистит. Кроме тех случаев, когда поздно просыпается. Он не любит опаздывать.

ШАРЛЬ

. Оно и заметно...

СЮЗАННА

. Я имею в виду, в школу.

ШАРЛЬ

. А если не успел утром, то наверстывает вечером?

СЮЗАННА

. Как это? Чистить зубы вечером?

КЛАРА

. В Америке так принято.

СЮЗАННА

. Вечером он спит на ходу, ему обязательно нужно много спать.

ШАРЛЬ

. Прекрасно, к двадцати годам у него во рту не останется ни одного зуба. Ему поставят протез, его можно чистить отдельно, в стакане с водой, который будет стоять рядом с кроватью.

Звонок.

Клара

и

Сюзанна

вместе устремляются к входной двери.

Шарль

остаётся стоять возле пустого кресла. Дверь открывается, появляется ребенок, точнее, взрослый актер, который в данном случае выступает в роли автора, когда тот был ребенком.

Короткое затемнение.

Следует монолог актера.

АКТЕР «НА ВСЕ РУКИ»

. Здравствуйте, я «автор», ну то есть актер, которому поручено изображать автора. В данный момент ему, то есть автору, лет одиннадцать-двенадцать, он только что был на футболе. Его мать в конце концов купила ему полное спортивное обмундирование. В тот день ему не хватало только наколенников. Пару месяцев спустя, сразу после того как они у него появились, он с футболом расстался. Без очков он не мог даже ориентироваться на поле. Он бегал туда-сюда и никогда не попадал по мячу. Когда он слышал крики: «Навес, навес», то понимал, что надо беречь череп: он обхватывал голову обеими руками и не двигался. Тем не менее один раз мяч попал в него — со всего маху, при этом угодив между ног. Сильнейший удар прямой наводкой, который он перехватил и отбил своей третьей ногой. Какое-то время после этого ему казалось, что он уже никогда не сможет писать. Этот памятный поступок, спасший его команду от гола, положил конец его футбольной карьере.

В то время у автора во рту было столько дыр, что ему приходилось значительную часть свободного времени проводить в «пыточном кресле» месье Шарля, имевшего привычку, поднося к его зубам какой-нибудь инструмент, сразу начинать покусывать нижнюю губу. Надо признаться, что месье Шарль внушал ему жуткий страх. Сколько раз он хотел поменять врача. Но его мать в ответ на очередную просьбу всегда повторяла: «Он так страдал во время войны». «Но и ты тоже страдала», — возражал он. Да, но, судя по всему, меньше, чем дантист и его жена. Так что же, дочь, не вернувшаяся из концлагеря, весит больше, чем пропавший без вести отец или исчезнувший муж? Где те весы, на которых взвешивается страдание, где стандартный метр, измеряющий боль? «Он по-прежнему страдает», — шептала Сюзанна, вытирая глаза своим носовым платочком. А раз так, раз он страдал по-прежнему и очень сильно, то дважды в неделю — в то время зубной нерв удалялся в несколько приемов — так вот, дважды в неделю автор (он же Жан-Клод, он же ЖК) был вынужден усаживаться в «пыточное кресло» месье Шарля. Иногда Сюзанне, несмотря на занятость на работе, удавалось его сопровождать. Официально — чтобы поддержать сына, в действительности — чтобы поддержать Клару и узнать, как развивается трагедия. Для лучшего понимания этой самой трагедии, которую автор, по его собственному признанию, не сумел или не захотел построить по классическому образцу, я должен уточнить, что помимо автора в детском возрасте я в этой пьесе играю еще и большинство мерзавцев и всевозможных зануд, с которыми сталкивается чета Сподек — Шарль и его любящая и скрытная супруга Клара, урожденная Давидсон. А кроме того, я буду участвовать в античном хоре, как это принято во всех незубных, так называемых классических трагедиях. Действие происходит, как вы, надеюсь, уже догадались, после Второй мировой войны. Что, простите? Ну вы слышали про Вторую мировую войну? Давнишняя история, согласен. Но в тот момент для Сподек, Сюзанны, автора, его брата и других... для миллионов других это было совсем свежее, так сказать, новостное событие. Если я говорю слишком много, не стесняйтесь свистеть или покидать зал, как настоящие современные зрители, для которых Вторая мировая — это навязшее на зубах старье, наподобие того, чем была для автора, когда он был ребенком, война 1870 года между Францией и Пруссией, или потеря Эльзаса и Лотарингии, или та же Парижская Коммуна. «Когда вновь придет цветение вишен?»

[12]

... Кто помнит сегодня этот вкус пепла во рту у отцов? Кто помнит обжигающую горечь слез в глазах матерей? И кто помнит этих рахитичных детей с дырявыми легкими — нервных, до того нервных...

— Доктор, они по ночам кричат во сне.

— Это глисты.

И вот вам, пожалуйста, уже трагедия...

— Это глисты, мадам Сюзанна. Давайте им перед сном чайную ложку глистогонного отвара «Луна», а утром полную столовую ложку рыбьего жира.

Все, все, вы правы, закругляюсь. Чувствую, мои товарищи-актеры в нетерпении, а уж вы-то, конечно, и вовсе изнемогаете.

Итак, автор в детском возрасте (он же Жан-Клод, он же ЖК) вошел, Клара его поцеловала, Сюзанна отругала за опоздание, он взобрался на «пыточное кресло», вытянул голые кривые ноги, открыл рот. Шарль осмотрел его, обнаружил новую дырку и новый склад невычищенных остатков пищи, покусал свою нижнюю губу, а затем вынес приговор...

ШАРЛЬ

. Через двадцать лет у тебя во рту будет стоять аппарат.

АКТЕР «НА ВСЕ РУКИ»

. Ребенок изобразил понимание, а потом спросил: «А что за аппарат?»

Затемнение.

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Звонок.

Актер «на все руки»

в белом халате открывает входную дверь. Входит

Шарль

. На нем обычный городской костюм.

ШАРЛЬ

. Новый?

МУЖЧИНА

. Простите?

ШАРЛЬ

. Звук. Звонок. Вы поставили новый звонок. Противный.

МУЖЧИНА

. Вы бывший пациент? Здравствуйте. Очень рад, у меня сохранились все карты моего предшественника.

ШАРЛЬ

. Весьма предусмотрительно.

МУЖЧИНА

. Увы, никого из его бывших пациентов у меня не бывает.

ШАРЛЬ

. Я знаю, в чем причина.

МУЖЧИНА

. Прошу вас, пройдите в приемную.

ШАРЛЬ

. Она там же, где и раньше?

МУЖЧИНА

. Я сменил только звонок. Прошу вас, если вас не затруднит...

ШАРЛЬ

. Зачем? Я Шарль Сподек, хирург-стоматолог.

МУЖЧИНА

. Вы явились, чтобы устроить скандал?

ШАРЛЬ

. Какой такой скандал?

МУЖЧИНА

. Я вам не советую.

ШАРЛЬ

. Я пришел к себе домой.

МУЖЧИНА

. К себе домой? Послушайте, тут не место и не время для шуток. Я работаю.

ШАРЛЬ

. А я как раз настроен шутить.

Появляется

женщина

. Она тоже в белом халате.

ЖЕНЩИНА

. Что здесь происходит?

МУЖЧИНА

. Да вот, этот тип, непонятно откуда взялся.

ШАРЛЬ

. Из чулана, мадам, из темного чулана с барахлом.

МУЖЧИНА

. И, видите ли, заявляет, что пришел к себе домой.

ЖЕНЩИНА

. Зубоврачебный кабинет и квартира на момент их приобретения не имели владельца! Все документы на покупку были завизированы в префектуре и в комиссариате по...

(Обрывает фразу.)

МУЖЧИНА

(подхватывает с излишней поспешностью).

...в коммерческом суде, в совете Корпорации врачей...

ШАРЛЬ

. У меня есть подозрение, что вы не совсем в курсе последних событий.

МУЖЧИНА

(после паузы, про себя).

Так я и знал. И надо же, чтоб именно мне так повезло. От них никогда не будет спасенья: сплошные неприятности...

ЖЕНЩИНА

. Так, все, хватит, месье. Ступайте, ступайте отсюда! Выйдите вон из моей квартиры, не то я вызову полицию!

ШАРЛЬ

. Полиция больше не на вашей стороне, мадам.

ЖЕНЩИНА

. Что вы хотите сказать? Если не уйдете по-хорошему, вас отсюда выведет мой муж. Ну-ка, Рене!

ШАРЛЬ

. После всего, что я пережил, мадам, уйти отсюда меня уже не сможет заставить никто, даже Рене.

ЖЕНЩИНА

. И таким вот образом вы рассчитываете заслужить хорошее отношение к себе?

ШАРЛЬ

. Чье именно отношение, мадам?

ЖЕНЩИНЫ

. Советую не слишком выпендриваться. Нет, ты только погляди, какая наглость!

МУЖЧИНА

. Не пытайтесь выместить на французах злобу за то, что вам досталось от немцев.

ЖЕНЩИНА

. Нам тоже пришлось, знаете ли, хлебнуть! К тому же мы-то оставались в Париже, мы-то не отсиживались!

МУЖЧИНА

. Вы являетесь без предупреждения, выдаете себя за пациента. Нет, позвольте, так себя не ведут!

ШАРЛЬ

. У вас есть две недели на то, чтобы освободить помещение. Это ровно на четырнадцать дней больше, чем в свое время было дано мне. Оставляю вам свежий номер «Журналь офисьель»

[13]

, почитайте, очень познавательно.

МУЖЧИНА

. Встретимся в суде, месье.

ШАРЛЬ

. Поостерегитесь, сегодня даже судьи перебежали на другую сторону.

ЖЕНЩИНА

. Да что вы говорите!

Затемнение.

ХОР

. Две недели обернулись тридцатью месяцами. И это несмотря на изданные декреты и на вмешательство недавно созданного Управления по реституции имущества жертв грабительских законов и мер. Честнейший покупатель Рене Бертран оказался ветераном Первой мировой, за участие в ней награжденным крестом. Только благодаря поддержке совета Корпорации стоматологов, в те самые дни сменившего распущенную

зубоврачебную секцию совета Корпорации врачей, Рене Бертрану в конце концов подыскали кабинет напротив, в ста метрах от квартиры Сподеков, чтобы крестоносец не стал несчастной жертвой еврейской реинтеграции.

Париж, 15 октября 1942 года

Господину генеральному комиссару по еврейским вопросам

Париж, площадь Пети-Пэр, 1

Господин комиссар!

Я, нижеподписавшийся Рене Бертран, ветеран войны 14–18 годов, имеющий крест «За боевые заслуги», дипломированный хирург-стоматолог, стопроцентный француз, в настоящее время практикующий в Кламаре (департамент Сена) и желающий получить в Париже зубоврачебный кабинет, освободившийся в соответствии с применением на практике антиеврейских законов,

имею честь просить у находящихся в вашем ведении служб указаний, коими следует с этой целью руководствоваться, а также предоставления мне списка свободных кабинетов, расположенных в X, XI, XVIII и XX округах Парижа

[14]

.

Заранее благодарю и прошу Вас, господин комиссар, принять мои заверения в высоком к Вам почтении.

Подпись: Рене Бертран

Комиссариат по еврейским вопросам

Господину Рене Бертрану

В ответ на ваше письмо от 15 октября 1942 года направляю вам список зубоврачебных кабинетов, переданных в ведение временных управляющих.

Прошу вас связаться с указанными управляющими, а также с зубоврачебной секцией при совете Корпорации врачей.

С уважением...

ХОР

. В течение трех лет, что длилась судебная процедура, Шарль работал на полставки в стоматологическом диспансере, что на улице Паради. Что касается Клары, то она устроилась отделочницей в ателье по пошиву мужской одежды. В этот период у них оказалось достаточно свободного времени, чтобы расшифровать для себя точное значение слова «депортированный». В частности, они узнали, какая судьба была уготована их младшей дочери Жанетте, арестованной в тот момент, когда она выходила из школы. Своей старшей дочери они сообщили об этом письмом. Дело в том, что настоятельница монастыря кармелиток, куда они поместили старшую сразу после ареста младшей, во время их первого визита объявила Сподекам, что еще в начале 1944 года из понятных соображений безопасности переправила их дочь куда-то в Испанию, в другое заведение их общины, где та и продолжала находиться. Со здоровьем, по словам настоятельницы, у нее все было в полном порядке, и она получала очень хорошее образование. Во время второго посещения монастыря Сподеки сообщили настоятельнице о своей готовности немедленно отправиться в Испанию, с тем чтобы забрать дочь. Настоятельница со всей предупредительностью объяснила им, что весть о гибели младшей сестры, изложенная в письменном виде, к тому же, по всей вероятности, без должной деликатности, настолько глубоко потрясла и опечалила девушку, что у той, чтобы оправиться, возникла потребность — разумеется, только на время — в уединении, покое и стабильности.

Видя смятение Шарля и Клары, настоятельница посоветовала им написать теперь уже правильное, полное надежды письмо, которое помогло бы их дочери пережить эту страшную и горестную потерю. Сподеки согласились с ее мнением и вернулись на чердак, в комнату для прислуги, в которой тогда жили. Клара стала старательно сочинять полные надежды письма, которые оставались без ответа. А Шарль с небывалым рвением взялся отвоевывать свой «пыточный трон».

3. НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

В темноте звучит песнопение «К тебе, Земля обетованная», слова которого едва различимы.

Народ, избранник Бога,
Кочевник в бескрайней пустыне,
Бежав от вражды и от рабства,
Под небом лазурным шагает.
Идет он к земле далекой,
Богом обещанной предкам,
Где в безмятежном мире
Излечатся все страданья.

К тебе, земля обетованная,
Народ, избранник Бога, руки тянет.
К тебе, земля обетованная,
Он сердцем всем и верой обращен,
К тебе, земля обетованная,
Шагает он сквозь битвы и страданья,
К тебе, земля обетованная, к тебе!

В кабинете Настоятельницы. Стол, распятие, несколько стульев. Все аскетично, однако без чрезмерности. Шарль и Клара ждут. Каждый из них, независимо друг от друга, рассеянно вслушивается в звучащее вдалеке песнопение. Входит Настоятельница — довольно молодая, несмотря на занимаемую должность, женщина. Они встают, она делает им знак садиться. Садится в свою очередь и приветственно улыбается им простой и естественной улыбкой.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. У меня очень хорошие новости от нашей... вашей горячо любимой дочери. И она поручила мне передать вам свой самый нежный привет.

КЛАРА

. Спасибо. Почему она не отвечает на наши письма?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Она пожелала временно укрыться от мирской суеты.

КЛАРА

. И ее родители — часть этой мирской суеты?

ШАРЛЬ

(резко).

Когда можно с ней увидеться? Или хотя бы поговорить с ней по телефону?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Она прежде всего желает, чтобы вы как можно скорее вновь обрели спокойствие и внутренний мир. И если позволите добавить от себя личный совет, то я настоятельно призываю вас обратиться к молитве, чтобы черпать в ней силы и утешение.

Пауза.

ШАРЛЬ

(решившись).

Ей известно и вам тоже, что мы не являемся прихожанами вашей церкви.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. И тем не менее евреи тоже молятся. Молитесь, молитесь.

ШАРЛЬ

. Я в равной мере не молюсь как вашему Богу, так и Так называемому моему.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Я с трудом вас понимаю.

ШАРЛЬ

. Моя жена и я атеисты. Хотя в самом слове «атеист», на мой вкус, уже содержится слишком много религиозного подтекста.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. И вы еще удивляетесь...

ШАРЛЬ

. Удивляюсь чему?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Что ваша дочь ищет иного пути.

Пауза.

КЛАРА

. Мы ничему не удивляемся, мы просто хотим ее видеть, хотим иметь возможность прижать ее к груди и плакать. Не понимаю, почему это должно касаться Бога или кого-то там еще.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

(протягивая ей лист почтовой бумаги серо-голубого цвета, украшенный крестом).

Изложите письменно ваше пожелание, я сама его ей передам, рассказав о вашем посещении.

Пауза.

Клара

начинает писать, потом комкает бумагу.
Настоятельница
протягивает ей другой лист — тоже серо-голубой.

Шарль
ходит взад-вперед по кабинету.
Настоятельница
ждет.

Клара
ставит подпись под письмом, затем протягивает перо
Шарлю
. Тот качает головой в знак отказа. Тогда
Клара
протягивает листок
Настоятельнице
. Та складывает его вчетверо и помещает в конверт тоже серо-голубого цвета, при этом обращаясь к
Шарлю
с вопросом.

Есть одна вещь, господин Сподек, которую я, вы уж меня простите, никак не могу понять. Вы говорите, что не верите в вашего Бога, но при этом вы себя считаете человеком... еврейского происхождения, так ведь?

КЛАРА
. Говорите просто «евреем», сестра моя.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА
. Хорошо, евреем. Но разве можно быть евреем и при этом не исповедовать еврейскую веру?

Пауза.

ШАРЛЬ
. Мадам, матушка, сестра, игуменья или как вас там положено называть, я в данный момент чересчур возбужден, чтобы поддержать обмен мнениями на эту тему. Если бы я не сдерживал себя изо всех сил, я бы стал вопить что есть мочи. Что есть мочи.
(Зажимает себе рот кулаками.)

КЛАРА
(шепотом).
Шарль, я тебя умоляю...

ШАРЛЬ
(после паузы, взяв себя в руки).
Я не присоединяюсь к инициативе моей супруги. Я со своей стороны хочу и требую, чтобы наша дочь немедленно пришла сюда и сказала мне, глядя в глаза: «Папа, это я и только я сама захотела заточить себя в монастыре и уйти от мирских забот».

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Она ни в коем случае не желает уйти от мирских забот, она хочет приносить пользу людям.

КЛАРА

. Тем, что отгородилась от своих родителей?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Тем, что приблизилась к Нему, к тому, кто есть вера, любовь, надежда и воскресение.

ШАРЛЬ

. Прекрасно. Пусть она придет сюда и скажет это мне. Я имею на это право, и Клара тоже. Это все, чего я хочу. И потом больше не будем к этому возвращаться. Я просто хочу вам самым мирным образом заметить, что она еще несовершеннолетняя.

Пауза.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

(обращаясь к Кларе). Я передам ей ваше письмо.

КЛАРА

. Где она сейчас находится?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Где бы она ни находилась, отныне она знает, что Он ее хранит (движением подбородка показывает на распятие).

И именно это сегодня для нее важнее всего. Когда-то вы нам доверили свою дочь, опасаясь за ее жизнь. Мы приняли ее и сделали все от нас зависящее, чтобы отвести от нее опасность. Сегодня в опасности ее душа, ее внутреннее равновесие. Ее пугают варварство и варвары. Она еще не знает до конца, действительно ли Он позвал ее. Она ищет. Она, полагаю, как и вы, во тьме, но она уже разглядела свет. Она борется с отчаянием, которое переполняет ее сердце с тех пор, как она узнала о гибели своей любимой сестры. Вместе с тем она ощущает в себе желание жертвовать собой, преодолевать себя, жить. Она переживает решающий момент выбора между отчаянием и верой.

ШАРЛЬ

. Как она может выбрать, она ничего не знает о жизни.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Желтая звезда на груди, облавы, бегство, родная сестра, обращенная в пепел. И вы говорите, она ничего не знает о жизни? Знает чересчур много и нуждается в том, чтобы найти во всем этом смысл.

ШАРЛЬ

(едва не срываясь на крик).
Не существует во всем этом смысла!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Для вас — возможно. Наверняка. Но речь о ней. Ей необходимо найти если не смысл, то хотя бы выход.

ШАРЛЬ

(в свою очередь указывая на распятие).
И выход — вот это?

Настоятельница
не отвечает.

КЛАРА
. Она далеко отсюда?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА
. В настоящее время в северной части Бельгии.

ШАРЛЬ
. С ума сойти! Это сколько же у вас заграничных филиалов? Всякий раз она на новом месте. В сорок втором я доверил вашей коллеге еврейского ребенка!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА
. Юную девушку.

ШАРЛЬ
. Еврейскую!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА
. Неверующую, как вы сами сказали. Она останется, как и вы, еврейкой, но по вере и вероисповеданию будет христианкой. Таков ее выбор. Она денно и нощно молится о вас, помолитесь и вы о ней.

ШАРЛЬ
. До чего приятно с вами беседовать: абсолютно то же самое, что биться головой о стену.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА
. Вы натываетесь на стену оттого, что упорно продолжаете бродить впотьмах.

КЛАРА
. Сестра моя, умоляю вас, устройте нам посещение, хотя бы короткое.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА
. Дождемся сначала ответа на ваше письмо.

КЛАРА
. Но она никогда нам не отвечает!

ШАРЛЬ
. Перед кем, перед чем мы, Клара и я, должны пасть на колени или бить себя в грудь с покрытой головой, чтобы получить это право — снова увидеть свою дочь, единственную, которая у нас осталась?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

. Не кажется ли вам, что этот титул «единственной оставшейся у вас дочери» — слишком тяжелая ноша для хрупких плеч юной девушки, чтобы нести ее без помощи Бога?

Затемнение. В темноте снова звучит песнопение. Вторая строфа.

4. БЕЗ НАЗВАНИЯ

ХОР

(цитируя официальный текст).

Временное правительство Французской Республики

Министерство финансов

Управление по реституции имущества

жертв грабительских законов и мер

Париж, Второй округ,

Банковская улица, 1

Основание: дело № 2196 ФС

Париж, 17 августа 1945 года

Господину Шарлю Сподеку

Уважаемый господин Сподек!

В целях осуществления контроля за исполнением распоряжений, содержащихся в постановлении № 45770 от 21 апреля 1945 года и касающихся реституции проданного или уничтоженного имущества жертв актов хищения, совершенных вражеской стороной или с согласия оной, имею честь просить вас заполнить анкету, напечатанную на обратной стороне данного письма, и выслать мне ее ближайшей почтой.

Подпись: НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ПО РЕСТИТУЦИИ

ВОПРОСЫ АНКЕТЫ

— Возбудили ли вы судебное дело об оспаривании недействительности судебного решения согласно статье 1 постановления № 45770 от 21 апреля 1945 года?

— Обратились ли вы в суд с требованием об отмене судебного решения согласно статье 11 упомянутого выше постановления?

— Если да, то в какой именно суд (гражданский или коммерческий) и в каком городе?

— Каков был результат вашего обращения в органы правосудия?
(При необходимости просьба приложить текст вынесенного постановления).
— Была ли вами либо лицом, приобретшим вашу собственность,
подана апелляция по поводу решения суда?
— Было ли принято решение по поданной апелляции,
и если да, какое именно? (Просьба приложить текст судебного решения.)
— Заключили ли вы мировое соглашение с лицом,
которое приобрело ваше имущество?
— Если да, засвидетельствовали ли вы его официально,
как того требует статья 26 постановления № 45 770?
— Намерены ли вы требовать защиты ваших интересов?

В конце концов узурпатор был изгнан, после чего Шарль и Клара написали письмо с требованием о немедленном возвращении их дочери в родительский дом. Отправили его заказной почтой (так им посоветовал один хороший знакомый, имеющий опыт в подобных делах) и стали ждать ответа.

5. МЫСЛИ ВСЛУХ

Шарль
в ночной пижаме сидит на своем «пыточном троне», на который падает мертвенно-бледный свет врачесной лампы.

ШАРЛЬ

. Я с ней в ее монастыре. Сверлю пациенту зуб и вдруг вижу себя стоящим перед ней на коленях со сложенными ладонями. Что я тут делаю? Мне здесь не место. Ей здесь не место. Снова принимаюсь сверлить. Глаза пациента сверлят мой рот. Изо всех сил стараюсь не кусать нижнюю губу. Я делаю пациенту больно. Он морщится, дергает носом, но молчит. Я так страдал в войну, я по-прежнему страдаю. Я мог бы бормашиной продырявить ему щеку — он бы ничего не сказал. Он тоже так страдал в войну и по-прежнему так страдает. Он потерял жену, детей, родителей. Он приезжает издалека, чтобы здесь страдать вместе со мной. Садится в метро на станции «Сталинград» — он гордится тем, что живет у «Сталинграда». Неужели у тебя там по соседству нет зубного врача, которому ты бы мог все это рассказывать? Ты мне все это уже рассказывал, когда я работал в районном диспансере, зачем меня и дальше преследовать? Зачем ездить на станцию «Шато-Руж»? Это даже не прямая линия! Как хорошо, когда приходят случайные пациенты. А еще лучше те, которые думают, что пришли к моему узурпатору-крестоносцу. Те, которые без стеснения в сердцах отталкивают мою руку при малейшей боли, при малейшем страхе, те, которые кричат, которые протестуют. С ними мне не грозит мысленно перенестись в монастырь и разгуливать по его галереям с монашками, распеваящими во всю глотку «К тебе стремлюсь, о Боже!». Или оказаться в вагоне с Жанеттой, или слышать лай эсэсовцев и их собак. Нет, с теми, которые отталкивают мою руку, я занимаюсь своим прямым делом — борьбой со страхами и муками, которые сам же вызываю и сам же утихомирываю. «Хватит! Мне больно!» — кричит случайный пациент. Сбрасываю ногу с педали, бормашина чихает, я меняю иглу, после чего смотрю ему пристально в глаза: «Еще чуть-чуть, и все будет кончено». Клятва зубодера, и я снова погружаюсь в недра его рта, выискивая затаившуюся там гниль. Он снова вздрагивает, он ворчит, он стонет. «Ну довольно, перестаньте дергаться, а не то я сделаю вам больно». По крайней мере, он не приговорен пожизненно. Вращает глазами во все стороны, зовя на помощь. «Терпение, терпение, всякому визиту к дантисту приходит конец, всякой дырке находится пломба, всякий нерв удаляется — в крайнем случае вместе с зубом. Невелика потеря, поставим хоть десять новых». — «Поставьте мне ослепительно-белый, если уж платить, пусть хотя бы будет видно, за что!» — Ну вот, сплюньте, готово, если через час-два будет болеть, примите аспирин, сегодня на этой стороне не жуйте, в следующий раз я вам его умерщвлю, ну да, я убью нерв, и после этого ваш зуб не будет болеть уже никогда, никогда в жизни. Кто умертвит мою боль? Никого. Нет такого аспирина, нет такого веселящего газа, нет конца. Пожизненно. Приговорен.

(Замолкает, потом выключает свет и остается сидеть в темноте. Через какое-то время продолжает.)

Приговорен бродить по монастырям и задыхаться в душе с Жанеттой...

Затемнение.

6. НОЧЬ

ХОР

. Детей, потерявших родителей, называют сиротами. Но каким словом называть родителей, потерявших детей? Нет такого слова. Может быть, оно есть на идише? Должно быть. Если нет, надо срочно придумать. Не хватает одного слова, особенно на идише. Слова необходимого, слова нарицательного, слова полезного. Слова для обозначения родителей, потерявших своих детей.

Ночи у Сподеков бывали длиннее, чем дни. Они ходили оба из комнаты в комнату. «И будет у тебя сто домов, и в каждом доме по сто комнат, и в каждой комнате по сто постелей. И каждую ночь будешь ты бросаться из одной постели в другую, никогда не находя покоя». Ночами Сподеки бродят, пересекаются, наталкиваются друг на друга и иногда даже друг с другом разговаривают по-человечески. Или почти по-человечески.

Шарль

восседает на «пыточном троне».

КЛАРА

. Что мы за родители такие, если единственный оставшийся у нас ребенок отвернулся от нас?

ШАРЛЬ

(читая «Монд», после паузы).

А что за вопросы у тебя такие? Если нет других, иди спать.

КЛАРА

. Сам иди.

ШАРЛЬ

. Я в отличие от тебя читаю газету и не задаю вопросов.

КЛАРА

. Что они там пишут?

ШАРЛЬ

. Третья мировая война.

КЛАРА

. Уже?

ШАРЛЬ

. Уже! Они об этом пишут многие месяцы, годы, а ты говоришь «уже»!

Пауза.

(Возвращается к ее вопросу.)

Внуши себе, что она вышла замуж и уехала. Все девочки рано или поздно уезжают из родительского дома.

КЛАРА

. В обмен родители получают внуков.

ШАРЛЬ

. Обойдемся.

КЛАРА

. Они становятся дедушками-бабушками, дедулями-бабулями, зейдэ-бубэ.

Пауза.

Шарль

читает газету.

Шарль, что мы сделали не так?

Пауза. Он по-прежнему читает. Она продолжает.

Если бы забрали нас с тобой, а не Жанетту, они бы обе хорошо устроились в жизни. Нашли бы себе двух хороших мужей, а своих первенцев назвали бы Шарль или Клара. И рассказывали бы свекрам и свекровям, какие мы у них были замечательные родители. И их мужья и дети тоже хранили бы о нас память. И они бы даже ходили по праздникам в синагогу и заказывали бы там по нам поминальные молитвы. Зажигали бы свечи...

ШАРЛЬ

(обрывает ее, не отрываясь от газеты).

От одной остался пепел, другую погребли заживо. Иди спать!

Пауза.

КЛАРА

. Помнишь лето тридцать седьмого в Аркашоне?

ШАРЛЬ

. Аркашон был в тридцать восьмом.

КЛАРА

. Хорошо, в тридцать восьмом. Ты закрыл кабинет почти на месяц.

ШАРЛЬ

. Тогда это было в тридцать седьмом в Ульгате.

КЛАРА

. Они все время носились, смеялись, прыгали на волнах. А ты каждую минуту кричал им, чтобы выходили из воды. «Они не умеют плавать, и я тоже не умею!» Ты всегда боялся, Шарль, всегда.

ШАРЛЬ

. Ну да. Именно так я понимал профессию отца: без конца бояться, никогда не выпускать ситуацию из-под контроля, всегда готовиться к худшему.

КЛАРА

. И худшее из худшего обрушилось на нас.

Пауза.

Знаешь, я тоже боялась.

Пауза.

Боялась за них, всегда.

ШАРЛЬ

. Если любовь мерится аршином страха, который родители испытывают за своих детей, ни один ребенок в мире не был так горячо любим, как наши девочки!

Пауза. Он снова погружается в газету, закрыв ею лицо.

КЛАРА

. Шарль.

Он не отвечает.

Что если поступить, как велела сестра?

ШАРЛЬ

. Какая сестра? О чем ты еще?

КЛАРА

. Настоятельница.

ШАРЛЬ

. А что она велела?

КЛАРА

. Молиться.

ШАРЛЬ

. Молиться?

КЛАРА

. Если снова прийти туда и сказать, что мы согласны принять... и даже потом молиться, если это может нас приблизить к...

ШАРЛЬ

(швыряя газету на пол).

Что ты говоришь? Что ты говоришь?

КЛАРА

. Не кричи, я просто хочу сказать, что раз мы все равно уже ни во что не верим, то почему бы не...

ШАРЛЬ

(обрывая ее).

Нет уж, извини! Извини, мы верим, верим!

КЛАРА

. Верим во что, Шарль?

ШАРЛЬ

. В это.

КЛАРА

. Во что «в это»?

ШАРЛЬ

. В то, что мы не верим! Вот! Это и есть то, во что мы верим, это наша вера, наша религия: не верить! И с каждым днем я в это верю все больше. И вообще, что ты хочешь заставить меня сказать? Что, подумай? Мы евреи, Клара, евреи, ты понимаешь, что это такое? Ты понимаешь, что это означает?

КЛАРА

. В любом случае она сказала, что можно спокойно оставаться евреями, даже если принять...

ШАРЛЬ

(внезапно).

Клара, иди спать! Иди спать! Оставь меня в покое! Оставь меня в покое! Дай мне подготовиться к Третьей мировой войне в обстановке хладнокровия и безмятежности!

КЛАРА

. Шарль, мы разговариваем.

ШАРЛЬ

. Нет, нет, иди спать! Иди спать, не дожидаясь, пока я начну уже по-настоящему орать!

КЛАРА

. Шарль, соседи спят.

ШАРЛЬ

. И что с того? Думаешь, я боюсь их разбудить? Боюсь, да? Когда полицаи и гестаповцы явились к нам в дом, они, как ты помнишь, тоже спали, эти твои соседи! Весь мир спал! Ты хочешь, чтобы я открыл окно и принялся орать?

КЛАРА

. С тобой невозможно разговаривать.

ШАРЛЬ

. Да, невозможно, особенно если нести полную чушь.

КЛАРА

. Шарль...

ШАРЛЬ

. Полную чушь! Нет, ты сама слышала, что ты сказала, ты слышала, что ты сказала? Ты предложила мне принять другую веру. Мне! По-твоему, раз не веришь в какого-то определенного Бога, можно вот так отказаться от своих убеждений? Как ни в чем не бывало поменять Ветхий Завет на их Новый? Никто в моей семье, никто и никогда не принимал другой веры.

КЛАРА

. Но они были верующими, Шарль, а мы...

ШАРЛЬ

. В моей семье — никто никогда! Слышишь, никогда?

КЛАРА

. И в моей тоже, с чего ты взял?

Они замолкают. Негромкое песнопение постепенно, волнами, заполняет пространство.

Клара

внезапно встает и, сдерживая рыдания, уходит в спальню.

ШАРЛЬ

. Вот так, вот так...

(Снова взбирается на свое врачебное кресло, укладывается на нем, закрывает лицо газетой, пытаясь таким образом заснуть.)

Песнопение растворяется в тишине и в голосе

Клары

.

ГОЛОС КЛАРЫ

. Иди ложись спать, я больше не буду об этом... Все это так, одни разговоры... Ну, иди же...

Шарль
не двигается. Пауза затягивается.

Затемнение.

7. ПО-ПРЕЖНЕМУ НОЧЬ

ХОР

. Не желая испытывать терпение жадных до теологических споров читателей, слушателей или зрителей, а также тех, кто ищет точного и сжатого определения в качестве ответа на вопрос «Так что это такое — еврей?» — в особенности когда он, этот самый еврей, объявляет себя неверующим, автор в качестве приложения предлагает два высказывания. Первое приписывается, правда без доказательств, Жан-Поллю Сартру: «Еврей — это тот, кто не отрицает, что он еврей, когда он таковым является». Понятно, да? Второе взято из брошюры, изданной ее автором примерно в 1912 году в Варшаве на собственные деньги под псевдонимом на русском языке и на эсперанто. Написал ее доктор Лазарь Заменхоф, врач-офтальмолог, бывший сионистский активист, создатель и пропагандист языка эсперанто. «Вы можете сколько угодно преследовать евреев, еврейство от этого не исчезнет. Можете всех евреев превратить в атеистов, еврейство никуда не денется, и все эти атеисты будут продолжать называть себя евреями, то есть иудеями». Ну и, наконец, чтобы внести полную ясность в эту темную историю, приведу расхожее определение с явным «идишистским» уклоном, относящееся к эпохе, предшествовавшей катастрофе: «Еврей — это особь, которую очень легко узнать. У нее имеются голова, два глаза, нос, рот, два уха, и, самое главное, она говорит на идише. Даже маленькие дети говорят на идише, что лишний раз доказывает тем, кто еще в этом сомневался, что из всех языков, существующих на земле, идиш выучить легче всего и на нем легче всего говорить». Вот. За подробностями заходите на Google или в любую другую библиотеку в раздел «юдаика-гебраика». При этом запаситесь изрядным количеством свободного времени, которое вам понадобится, чтобы попытаться сначала поглотить, а затем процедить содержимое книжных полок, отведенных под изучение этой проблемы... А пока вернемся в ту ночь, в дом у метро «Шато-Руж», туда, где блуждают в потемках Сподеки.

8. МЫСЛИ ВСЛУХ. КЛАРА

Мы застаем
Шарля
в той же позе, что перед вступлением
Хора
: забывшимся сном на своем «троне», с газетой «Монд», закрывающей ему лицо.

Входит
Клара
в ночной рубашке, шепчет в полумраке пробивающегося сквозь ночь утра...

КЛАРА

. Шарль, ты спишь? Ты спишь? Спишь?

Никакой реакции. Она садится неподалеку от его «трона», какое-то время молчит, затем...

Знаешь, я знаю почему. Да, да, я знаю. Я ее понимаю. И даже помимо своей воли я ее одобряю. Она ищет путь — свой путь, чтобы встретиться с Жанеттой. Чтобы больше с ней не расставаться, чтобы не оставлять Жанетту одну в том вагоне, в газовой камере. Ей необходимо верить. Да, верить в то, что однажды они встретятся в мире... как бы это сказать... в мире, который лучше, чем этот... Да, она нашла путь, который приближает ее к Жанетте, но который неизбежно отдаляет ее от нас. Как и Жанетта, она никогда не станет женщиной, не узнает плотской любви и навсегда останется девственницей. Как и у Жанетты, ее волосы, ее длинные волосы, их длинные волосы острижены наголо, под машинку. Она не может прийти сюда и оплакивать сестру, обнявшись с нами. Нет, не может. Она знает, что здесь, в этом доме, в наших стенах слово «смерть» звучит окончательно, бесповоротно, безысходно. Здесь для нас пепел — это просто пепел и так пеплом и останется. А она — она нашла убежище, нашла место, где смерть лишь промежуток, где людьми правит тот, кто воскрес. Место временное, переходное, место, где царит благодать. Укрывшись за его высокими стенами, она ждет. Ей страшно. Страшно увидеть нашу боль, прочесть на наших лицах весть о том, что Жанетта — ее Жанетта, наша Жанетта — умерла. Умерла, умерла, превратилась в дым, улетучилась, растворилась в морозном небе Польши.

Пауза.

И она, конечно же, не может нам этого простить. Не может простить себе. Жанетта умерла, ее сестра, наша дочь умерла, а мы все трое живем, мы живем, несмотря ни на что. Она нас за это невольно наказывает. И себя тоже наказывает. На всем протяжении траура запрещены любые, самые маленькие удовольствия. Но поскольку для нас троих траур не кончится никогда, то и удовольствий больше не будет никогда — ни для нас, ни для нее. Где бы ни были мы, где бы ни была она. Только страдание.

Что бы она делала здесь, у нас? Снова стала бы учиться, общалась бы, как говорится, с другими детьми депортированных? Днем — возможно. Но ночью? Ночью она бы бродила как неприкаянная по комнатам. Как бродим мы с тобой, Шарль. Ночами напролет, не в силах заснуть. Там, за толстыми стенами, там, где разлита благодать, она встает до зари, повторяет одни и те же жесты, одни и те же слова, шепчет одни и те же молитвы, то же «Богородице Дево радуйся, Благодатная Марие!», быть может, даже поет вместе с другими «К тебе, Земля обетованная...». И таким вот образом, свободная духом, она может с каждой секундой становиться ближе к Жанетте, отменять зверство и варварство, отвергать кошмар... Может с надеждой ждать той минуты, когда в мире ином они встретятся и будут играть как прежде. И только там, соединившись вновь, они вспомнят о Шарле и Кларе, своих любимых родителях. Знаешь, иногда ко мне тоже — правда, правда — непроизвольно, как прилив, подступает молитва.

Пауза.

Где бы ты ни был, кто бы ты ни был, когда в следующий раз примешься за сотворение мира, умоляю тебя, постарайся, постарайся изо всех сил, не забудь, что жить там придется человеческим созданиям.

Неожиданно

Шарль

шевелится. «Монд» падает на пол.

Шарль

приподнимается и с изумлением обнаруживает стоящую перед ним на коленях

Клару

.

ШАРЛЬ

. Что ты тут делаешь?

КЛАРА

. Молнось.

Шарль

смотрит на нее с недоумением, затем осторожно спускается со своего «трона» и на цыпочках двигается к спальне, не забыв предварительно подобрать «Монд».

А ты что делаешь?

ШАРЛЬ

. Иду спать.

КЛАРА

. Скоро уже пора вставать!

Он уходит. Она какое-то время остается стоять в прежней позе, на коленях, затем поднимается. Уже рассвело. Она подходит к окну, смотрит вдаль и кричит вслед Шарлю

.

Будет снова чудный день!

Тем временем наступает затемнение.

9. ГОРЬКИЕ ТРАВЫ

Звенит звонок.

Появляется

Шарль

в белом халате. Обращается с вопросом к

Кларе

, которая сняла фартук и спешно причесывается.

ШАРЛЬ

. Думаешь, это они?

КЛАРА

. А кто еще, по-твоему? Не пациент же.

ШАРЛЬ

. Пациент, по крайней мере, открыв рот, молчит. А этот даже с полным ртом продолжает говорить.

КЛАРА

. Это твой кузен, а не мой.

Снова звенит звонок.

Иду, иду! Сними халат.

ШАРЛЬ

. А вдруг это пациент?

КЛАРА

. Шарль!

Он идет в кабинет снимать халат. Тем временем

Клара

вводит нарядно одетых гостей —

Макса

и

Морисетту

.

МАКС

(слегка наигранно).

А как насчет поцеловаться, Кларочка?

КЛАРА

. Можно и поцеловаться, Макс.

МАКС

. Видимся раз в сто лет, но сердцем всегда рядом, верно? А где хозяин? Опять копается в чужих зубах?

КЛАРА

. Переодевается.

МАКС

. Дела идут? Гнилых зубов хватает?

КЛАРА

. Кариес есть всегда, денег у людей не хватает.

МАКС

. Так, так, чудненько. Вот раздобыл для нас бутылочку кошерного бордо.

Морисетта
и
Клара
целуются.
Морисетта
протягивает
Кларе
букетик.

КЛАРА
. Морисетта, право же, не стоило...

Входит
Шарль
.

МАКС
. Шарль, старик...

Идут друг другу навстречу и обнимаются.
Шарль
формально, едва касаясь, целует
Морисетту
. Макс протягивает
Шарлю
бутылку.

Решай сам, но лучше открыть заранее, чтобы вино подышало.

КЛАРА
. Это кошерное вино.

ШАРЛЬ
. Тогда оно должно дышать даже через пробку.

МАКС
(обращаясь к Кларе).
Сегодня такой вечер, нельзя же было без этого, верно?

Клара

кивает в знак согласия.

МОРИСЕТТА

(Кларе).

Ты будешь смеяться, но я уже собиралась приглашать вас к нам. Мы хотели закатить грандиозный вечер, с детьми... В общем, я подумала, что было бы лучше это сделать в...

МАКС

(приходя ей на помощь).

...в узком кругу, да-да, именно так. Меня это очень, очень тронуло, что вы решили пригласить нас к себе именно в такой день.

ШАРЛЬ

. ...Ты хочешь сказать в среду, когда у детей нет школы?

МАКС

. Ха-ха-ха, при чем здесь среда!

МОРИСЕТТА

. В пасхальный вечер!

КЛАРА

. Ах, ну да! Ну да, да, да...

МАКС

. Мы подумали: раз они приглашают нас к себе на седе́р, значит, надо идти, невозможно же отказаться, верно? Отменили детей...

КЛАРА

. Вы питаетесь кошерной пищей?

МОРИСЕТТА

. Не каждый день, но по праздникам...

ШАРЛЬ

. Вы верующие?

МАКС

. Мы, верующие? Нет.

МОРИСЕТТА

. Не то чтобы да, но мы уважаем традиции, особенно ради детей и внуков.

МАКС

. А иначе все исчезнет и получится, что Гитлер победит.

ШАРЛЬ

. В моей семье он уже победил.

Пауза.

КЛАРА

. Хотите что-нибудь выпить?

МАКС

. Нет, нет, сначала почитаем «киддуш».

ШАРЛЬ

. Я пошел мыть руки.

(Выходит.)

Макс

достает кипу и надевает ее на голову.

КЛАРА

(очень сконфуженно).

У нас ничего нет для...

МАКС

. Я все предусмотрел, даже горькие травы.

КЛАРА

. Мы не знали... Мы уже совершенно не знаем, что когда происходит... даты, праздники и прочее... Макс, лучше не надо сейчас ничего делать, лучше не надо. Ты извини меня, Морисетта, но... Садитесь, закуски на столе, он сейчас вернется. Ой, у меня даже нет мацы.

Садятся в молчании.

Шарль

возвращается.

Макс

быстро снимает с головы кипу и убирает горькие травы.

Молчание.

Шарль
берет бутылку и снова выходит. Остальные остаются сидеть.

Шарль
возвращается и с шумом ставит откупоренную бутылку на стол. Затем тоже садится и, разворачивая
салфетку, тихо спрашивает у
Клары
.

ШАРЛЬ
. Закончили?

КЛАРА
. Что, прости?

ШАРЛЬ
. Эту их...

Клара
кивает утвердительно.

Макс
и
Морисетта
переглядываются.

КЛАРА
(решительно).
Ну вот, в общем, приятного аппетита! Можно, я вам положу или вы сами?
(С сожалением.)
Это не совсем кошерное... Если вы не едите окорок...

ШАРЛЬ
(перебивая ее).
Брось, я мастер это улаживать. «Окорок свиной, отныне нарекаю тебя окороком гусиным». Вот и все дела,
можете спокойно есть.

МОРИСЕТТА
(сконфуженно смеясь). Да
с чего вы взяли, что мы едим кошерное? Только по праздникам, да и то!

МАКС
. Да и то очень, очень редко. Да, да, да.

Все накладывают себе еду.

(Стараясь разрядить обстановку.)
Угадай, кто умер?

ШАРЛЬ
. Недавно или некоторое время тому назад?

МАКС
. Недавно.

ШАРЛЬ
. «Монд» ни про кого из знакомых не сообщал.

КЛАРА
. Блумберг?

МАКС
. Нет-нет, Блумберг просто очень серьезно болен.

КЛАРА
. Вот я и подумала, что...

МАКС
. Нет-нет, он совсем плох, но пока еще держится. Сдается? Таненбаум!

ШАРЛЬ
. Президент?

МАКС
. Президент.

ШАРЛЬ
. Роже?

МАКС
. Он самый, Роже.

МОРИСЕТТА
. Ты про какого Роже говоришь? Он президент чего?

МАКС
. Про Роже Таненбаума, президента «Братского будущего».

МОРИСЕТТА

. Ты мне не говорил.

МАКС

. А ты что, его знала?

МОРИСЕТТА

. Кого? Таненбаума? Нет.

МАКС

. А вот мы с Шарлем знали Таненбаума очень хорошо. Он был нас немного постарше, верно?

ШАРЛЬ

. Немного.

МАКС

. Поколение между нами и нашими родителями.

Пауза.

Чего только он не пережил! И всегда из всех передряг выходил целым и невредимым. А тут бац, и готово, не прошло и двух недель.

КЛАРА

. Его плохо лечили?

МАКС

. Как бы не так. Он был знаком со светилами медицины.

ШАРЛЬ

. Вот именно.

МАКС

. Нет-нет, просто пришло его время, вот и все. А если пришло твое время...

Все молча едят.

(Обращаясь к Шарлю.)

Ну, как там?

ШАРЛЬ

. Что «как»?

МАКС

. Как обстоят дела?

Пауза.

КЛАРА

. Все в том же положении.

Короткая пауза.

МАКС

(откидываясь на стуле).

Шарль, я не вправе тебе что-либо советовать, ты взрослый человек, дипломированный специалист и прочее, но ты должен нанять адвоката.

КЛАРА

(в ужасе).

Адвоката?

МАКС

. Надо нанять адвоката.

ШАРЛЬ

. Ну конечно, я буду судиться с собственной дочерью!

МАКС

. Кто говорит о том, чтобы судиться с дочерью? Ты подаешь в суд на настоятельницу и на монастырь в связи с тем, что тебе не возвращают твоего ребенка.

ШАРЛЬ

. Ей девятнадцать лет, скоро двадцать.

МАКС

. Она несовершеннолетняя.

Пауза.

Найми адвоката, и они сразу сдрейфят, я тебя уверяю.

Пауза.

Если не хочешь иметь дело с адвокатом, сходи по крайней мере к Каплану. Дядя Морисетты, Оскар Брейнер, до войны играл с ним по четвергам в карты.

КЛАРА

. Каплан? Тот, который раввин?

МАКС

. Главный раввин. Ты видел, какая поднялась шумиха после того, как он занялся детьми супругов Финали?

МОРИСЕТТА

. Он напрямую общается с архиепископом.

МАКС

. И может дойти еще выше, намного выше! И без посредников. Просто снимает трубку и...

Пауза.

Шарль

старательно жует.

КЛАРА

. Чем мы рискуем, Шарль?

Короткая пауза.

ШАРЛЬ

. Я не хочу поднимать шумиху. Я не хочу, чтобы это превратилось в конфессиональное разбирательство между главным раввином и архиепископом. Я хочу, чтобы она вернулась сама, если у нее есть такое желание. И точка.

МОРИСЕТТА

. А если они удерживают ее силой?

ШАРЛЬ

. Это в девятнадцать-то лет?

КЛАРА

. Ей было только четырнадцать, когда...

ШАРЛЬ

. В девятнадцать, пусть даже в четырнадцать... Она знает наш адрес... свой адрес. И если она хочет, то возвращается домой. Или пишет.

КЛАРА

. Но может быть, она даже не знает, что мы живы? Может быть, она никогда не получала наших писем?

ШАРЛЬ

. Клара, прекрати! Где бы она ни находилась, она может сюда добраться и проверить, живы мы или умерли.

КЛАРА

. Может быть, она приезжала, когда здесь жили Бертраны, и...

МОРИСЕТТА

. Может быть, сестры не дают ей оттуда выходить?

ШАРЛЬ

(ударяя кулаком по столу, вопит).

Когда же наконец десерт?

КЛАРА

. Шарль, но мы еще не ели горячее.

ШАРЛЬ

. Так чего ты ждешь? Потопа?

Клара

встает, собирает тарелки и направляется на кухню.

Морисетта

собирает приборы и идет следом за ней.

МОРИСЕТТА

. Я тебе помогу.

КЛАРА

. Не стоит, я только выну блюдо из духовки.

МОРИСЕТТА

. Я тебе помогу.

Обе выходят.

Пауза.

ШАРЛЬ

(резким движением протягивая Максу свой бокал).

Я бы выпил каплю твоего кошерного вина.

Макс

наливает ему.

МАКС
(пристывает к разговору).
Шарль, ты поступаешь неразумно.

Шарль
допивает вино.

(Наливает себе и продолжает.)
С тобой невозможно спокойно поговорить по существу, ты не слушаешь советов...

ШАРЛЬ
. Не слушаю. Особенно когда приходят в мой дом и начинают допекать меня какими-то идиотскими идеями.

МАКС
. Шарль!

ШАРЛЬ
. «Найми адвоката, сходи к раввину»... Каждый раз когда мы с тобой встречаемся, одно и то же. Скоро ты предложишь мне сходить к твоей гадалке!

МАКС
. Извини, Шарль, но я не могу тебе позволить говорить со мной в таком тоне.

ШАРЛЬ
. Ах не можешь? И как ты собираешься со мной поступить? Прислать ко мне раввина или адвоката?

МАКС
(встает).
Я ведь и по морде могу врезать.

ШАРЛЬ
(тоже встает, приблизившись к Максу вплотную).
Да сколько угодно, милости прошу, это как раз то, чего мне давно и сильно хочется. Давай, ну давай же, врежь мне по морде.

Макс
и
Шарль
стоят друг перед другом, размахивая руками.

МАКС

. Шарль, я знаю, как ты страдаешь, но существуют...

ШАРЛЬ

. Хватит, хватит про мои страдания, врежь мне по морде, чтобы мне было наконец из-за чего страдать!

Возвращаются женщины.

Клара

несет вынутое из духовки блюдо,

Морисетта

— подставку к блюду.

МОРИСЕТТА

(с наигранной веселостью).

А вот и горячее!

МАКС

. Собирайся, мы уходим. От страданий у него заклинивает мозги.

ШАРЛЬ

(с

издевкой).

Обещания, вечно одни обещания...

КЛАРА

. Какие обещания, Шарль?

ШАРЛЬ

. Он обещает врезать мне по морде и уносит ноги как последний трус. Ну давай, давай же! Без адвокатов, без раввинов — врежь мне по морде!

МОРИСЕТТА

. Шарль, ты не должен так говорить в такой вечер!

ШАРЛЬ

. А как надо говорить в такой вечер?

МАКС

(Морисетте).

Все, пошли. Извини меня, Клара, но...

Клара
ставит горячее блюдо прямо на стол.

МОРИСЕТТА
(визжит, трясая подставкой).
Скатерть сожжешь!

ШАРЛЬ
(садится).
Ладно, во время нашего маленького представления у меня разыгрался аппетит. Так что, вы едите или уходите?

Пауза.

Немного поколебавшись, гости снова садятся за стол. Общее молчание.

Клара
накладывает всем горячее. Все едят. Постепенно
Макс
и
Морисетта
входят во вкус и междометиями выражают восхищение
Клариной
стряпней.

Затемнение.
Женский голос
за сценой (или актриса на сцене).

ГОЛОС

. Краткое примечание к последней сцене. Там упоминалось дело детей Финали. История такова. У доктора Финали и его супруги, умерших в депортации, остались два сына. В 1943 году их поместили к некоей мадам Брюн. Та в 1945 году мальчиков крестила и по этой причине отказывалась выдать их уцелевшим родственникам супругов Финали, с большим трудом напавшим на их след. Только после того, как главный раввин Йозеф Каплан при поддержке Комитета содействия и на фоне бурной кампании в прессе напрямую обратился к высшим католическим иерархам, началось обсуждение вопроса о возвращении детей. Но потребовались еще долгие годы судебных процедур и теологических баталий, прежде чем в 1953 году дети были наконец возвращены их родным и восстановлены в иудаизме. Такая вот история... Ну а теперь вернемся к Сподекам. Макс и Морисетта ушли, пообещав на прощание в следующем году непременно устроить настоящий седер — с детьми и внуками, с вопросами и ответами, и прочее, и прочее...

Клара
закрывает за ними дверь и на мгновение застывает в коридоре.

ШАРЛЬ
(шумно отодвигая свою тарелку).
Больше никогда никого не приглашай!

КЛАРА
. Я хотела доставить тебе удовольствие.

ШАРЛЬ
. Знаешь, что доставило бы мне удовольствие?

КЛАРА
. Знаю, знаю...

Короткая пауза.

Что мешает тебе это сделать? Ты же знаешь и дозировки, и препараты.

ШАРЛЬ
. Пороговая доза веселящего газа... Так, чтоб в буквальном смысле сдохнуть от смеха, да?

КЛАРА
. Ну например.

ШАРЛЬ
. А кто мне сделает укол?

КЛАРА
. Я, если тебе это доставит удовольствие.

ШАРЛЬ
. А кто сделает укол тебе?

КЛАРА
. Зачем мне?

Пауза.

Мне надо остаться после тебя, чтобы заниматься твоими похоронами, продавать твой кабинет...

ШАРЛЬ
. А вырученные деньги раздать монашкам! Нет уж, не желаю производить над собой то, что не успел произвести Гитлер. Я подожду.

КЛАРА
. Подождешь чего?

ШАРЛЬ
. Своего часа.

Пауза.

(Машинально читает этикетку на бутылке кошерного вина.)
«Слава тебе, Предвечный наш Бог, князь мира сего, сотворивший плод виноградной лозы».

КЛАРА
. Что ты там говоришь?

ШАРЛЬ
. Ничего. Читаю этикетку: Бордо сюперьор, кошерное сертифицированное...

КЛАРА
. Ты помнишь пасхальные молитвы?

ШАРЛЬ
(пытаясь вспомнить).
Слава тебе, Предвечный наш Бог, заповедями своими указавший нам путь и наказавший есть горькие травы... горькие травы...

КЛАРА
. Слава тебе, о Предвечный, что вывел нас из Египта, где были мы у Фараона рабами.

Пауза.

После этого произносится: «В будущем году — в Иерусалиме»?

Шарль
пожимает плечами в знак безразличия или незнания.

Значит, в будущем году...

ШАРЛЬ
. В Иерусалиме или еще где-нибудь. Вместе.
(Берет Кларину руку в свою.)

Затемнение.

10. ПИСЬМО

20 июля 1953 года

Дорогие мои родители!

Несколько дней тому назад я стала сестрой Марией Терезой ордена кармелиток Воскресения Христова. Я много думала о вас. Я продолжаю много думать о вас, о вашей печали, о вашей боли, о вашем смятении. Я молюсь о вас; простите, но ничего иного я сделать не могу. Я молюсь о Жанетте. Она остается и останется навсегда в моем сердце.

Завтра или через несколько дней я уеду далеко, очень далеко — в страну, где умирают дети и страдают родители. Я хочу быть всюду, где плачут дети, всюду, где родители оплакивают своих детей, — чтобы утешать, ухаживать, помогать, приносить пользу. По мере своих слабых сил и с помощью Господа Бога. Знайте, что я уношу вас в своем сердце. Где бы вы ни находились, где бы я ни находилась, мы четверо — Жанетта, Клара, Шарль и я — остаемся одной семьей, семьей Сподек. Да умирится Божьей милостью ваше великое страдание, да ниспошлет вам Господь утешение, новые силы и мужество. Я знаю, что вы всегда были и остаетесь очень мужественными.

Ваша любящая дочь

сестра Мария Тереза

P. S. Вы можете продолжать мне писать через нашу настоятельницу Мари-Поль, аккуратно передающую мне ваши письма, которые я всегда читаю с бесконечной грустью и великим счастьем.

Вечером в доме у

Сподеков

. Включено радио. Передают трагедию в постановке труппы «Июнь сорок четвертого».

Шарль

и

Клара

сидят за столом. Они молча ужинают.

Шарль

заглядывает в газету, лежащую рядом с тарелкой.

Клара

подносит было руку к груди.

Шарль

поднимает глаза, и

Клара

быстро опускает руку.

Шарль

ест, затем обращается к

Кларе

.

ШАРЛЬ

. Если хочешь его перечитать, иди к себе в спальню.

КЛАРА

. Что перечитать?

ШАРЛЬ

. Иди к себе в спальню.

КЛАРА

. Вообще-то я, с твоего позволения, ужинаю.

Пауза.

Ему можно читать за столом, а мне...

Молчание. Она еще какое-то время остается сидеть, стараясь есть как можно спокойнее, потом вдруг резко отодвигает тарелку, встает и уходит к себе.

Шарль

в свою очередь отодвигает тарелку и кладет газету прямо перед собой.

По радио по-прежнему передают трагедию в постановке труппы — «Июнь сорок четвертого».

11. МАРОККАНКА

За завтраком.

КЛАРА

. Пришло письмо.

ШАРЛЬ

. Еще одно?

КЛАРА

. От Жизели.

ШАРЛЬ

. От какой Жизели?

КЛАРА

. От Жизели из Тулузы.

ШАРЛЬ

. Жизель из Тулузы?

КЛАРА

. Ну та, которая в Израиле.

ШАРЛЬ

. Почему тогда ты говоришь про Тулузу?

КЛАРА

. Я говорю не про Тулузу, а про мою кузину Жизель. Мы ее звали Жизель из Тулузы, чтобы не путать с двумя другими моими кузинами, которых тоже звали Жизель и которых депортировали.

ШАРЛЬ

. Значит, осталась одна Жизель?

КЛАРА

. Да, Жизель из Тулузы. Она живет в Израиле. Шарль, какой смысл здесь оставаться? Что нас здесь держит?

Короткая пауза.

Теперь у евреев есть своя страна...

ШАРЛЬ

. Спасибо, у меня уже есть одна страна, и мне вполне хватило неприятностей с ней.

КЛАРА

. Шарль...

ШАРЛЬ

. Что я там буду делать?

КЛАРА

. То же, что и здесь.

ШАРЛЬ

. Ну конечно, я отправлюсь жить в страну, где зубных врачей больше, чем дырявых зубов.

КЛАРА

. Почему ты так говоришь?

ШАРЛЬ

. Потому что если это страна для евреев, значит, она обязательно набита терапевтами и дантистами.

КЛАРА

. И больными тоже. В первую очередь больными, Шарль! Они едут туда со всего мира со своими болезнями, страданиями, муками. И со своими зубами.

Шарль

закончил завтрак и развернул газету. Пауза.

Ты ее уже читал. Это вчерашняя.

ШАРЛЬ

(откладывает газету и смотрит Кларе в глаза).

И что дальше?

КЛАРА

. Мне тут сказали про одну молодую женщину, она приехала из Марокко.

ШАРЛЬ

. Марокканка?

КЛАРА

. Да нет, она как мы.

ШАРЛЬ

. В каком смысле «как мы»?

КЛАРА

. Ну еврейка.

ШАРЛЬ

. Ашкенази?

КЛАРА

. Да нет, она оттуда.

ШАРЛЬ

. Откуда «оттуда»?

КЛАРА

. Из Марокко!

ШАРЛЬ

. И что дальше?

КЛАРА

. Что «что дальше»?

ШАРЛЬ

. Какая связь с Жизелью из Тулузы?

КЛАРА

. Она ищет зубоучебный кабинет.

ШАРЛЬ

. Кто ищет кабинет?

КЛАРА

. Эта марокканка.

ШАРЛЬ

. Скажи ей, пусть едет в Израиль.

КЛАРА

. Я с ней не знакома.

ШАРЛЬ

. Тогда зачем ты мне об этом говоришь?

КЛАРА

. Она хочет переехать на постоянное место жительства в Париж.

ШАРЛЬ

. Не понимаю, ей что, плохо в Марокко?

КЛАРА

. Она оттуда уже уехала.

ШАРЛЬ

. В Марокко не осталось гнилых зубов?

КЛАРА

. Все ее пациенты уезжают из Марокко.

ШАРЛЬ

. С какой стати?

КЛАРА

. Откуда я знаю? Это ты, в отличие от меня, с утра до вечера читаешь «Монд».

ШАРЛЬ

. Преимущественно страницу некрологов.

КЛАРА

. Пациенты уезжают, она тоже уехала.

ШАРЛЬ

. Она поступила неправильно, и ее пациенты тоже.

КЛАРА

. Почему неправильно?

ШАРЛЬ

. Там Третья мировая война будет гораздо менее ужасной, чем здесь.

КЛАРА

. Ничего не поделаешь, поздно, она уже здесь. Она хочет открыть в Париже свой кабинет и подыскать себе клиентуру из числа как бы это сказать...

ШАРЛЬ

. Можешь не говорить, я понял.

КЛАРА

. В общем, я подумала...

ШАРЛЬ

. Что толку с того, что ты думаешь?

Пауза.

КЛАРА

. Я больше не могу здесь оставаться. Вижу на улице монашенку, у меня подкашиваются ноги, а потом часами сердцебиение... А чего стоит постоянно видеть полицейских, жандармов, да тех же соседей по дому... Ну просто...
(Вздыхает.)

Шарль

молча читает газету.

Клара

убирает со стола.

Звонят в дверь. Пришел первый пациент.

Шарль

встает, надевает белый халат.

Клара

бежит открывать.

ХОР

. Вот так, благодаря упорству Клары, автор (он же Жан-Клод, он же ЖК), когда ему исполнилось четырнадцать лет и три месяца, стал раз в неделю посещать брюнетку с южным акцентом и полной грудью, у которой всегда было хорошее настроение, на которой зимой и летом был розовый халат с короткими рукавами и которая никогда не покусывала нижнюю губу. И, что больше всего нравилось ЖК, раздражалась бурным смехом в ответ на любое его бурчание. Часто, в особенности когда предстояло лечить так называемые зубы мудрости, расположенные в глубине рта, ей приходилось касаться, а порой даже облакачиваться на руку ЖК самой выступающей частью розового халата. В такие моменты автор боялся пошевелиться из опасения потерять контакт. Он перестал заикливаться на боли и страхе, целиком сосредоточиваясь на этом необъяснимом тепле, которое вдруг приливалось к совсем другой части его тела. И

то, чего Сподеку не удавалось добиться увещеваниями и угрозами, розовый халат Марокканки достиг мгновенно и без всяких усилий: ЖК взял за правило тщательно чистить зубы, в особенности в те дни, когда в очередной раз собирался к зубному врачу. Поскольку Клары больше не было, у Сюзанны как-то само собой отпало желание сопровождать ЖК — ему даже не понадобилось ее об этом просить. Зато он попросил и даже потребовал купить ему длинные брюки.

СЮЗАННА

. Длинные брюки, чтоб ходить к зубному врачу? Еще чего не хватало!

ЖК

. По-твоему, красиво сидеть у нее в кресле в коротких штанах, задрав кверху ноги?

СЮЗАННА

. При Сподеке ты не делал из этого проблемы.

ЖК

. Ученик ремесленного колледжа не должен ходить в коротких штанах.

СЮЗАННА

. Почему это, интересно?

ЖК

. Потому что неприлично.

СЮЗАННА

. Что тут неприличного?

ЖК

. Видны коленки.

СЮЗАННА

. Ну и что? У меня тоже видны!

ЖК

. Хочу длинные брюки.

СЮЗАННА

. Надень свои штаны для гольфа — те, которые я тебе купила на бар-мицву твоего брата.

ЖК

. Ага, спасибо, чтоб я выглядел как рассыльный на велике!

ХОР

. Он получил длинные брюки и на протяжении нескольких десятилетий продолжал считать, что на свете нет более эротичного аксессуара женской одежды, чем халат с короткими рукавами.

12. «СТАЛИНГРАД»

Пациент
со станции метро «Сталинград» сидит с открытым ртом в «пыточном кресле».
Шарль
возится с его зубами.

ШАРЛЬ
. Сплюньте.

«
Сталинград
» сплевывает и — сразу же.

«СТАЛИНГРАД»
. И что теперь будет со мной?

ШАРЛЬ
. На территории, расположенной между станциями метро «Сталинград» и «Шато-Руж», имеются другие дантисты.

«СТАЛИНГРАД»
. Да, но с кем еще можно поговорить так, как с вами? Где найти дантистов, которые знают, что такое жизнь, страдание, идишкейт...

(Вынужденно прерывается, пока Шарль сверлит ему зуб. Но едва бормашина замолкает, как он продолжает.)
За исключением вас все известные мне дантисты сплошь сионисты. И надо же, чтобы именно вы первым сдались и решили туда уехать!

Шарль
снова склоняется над ртом «
Сталинграда
». Жужжит бормашина.

ШАРЛЬ
. Сплюньте.

«
Сталинград

» в сердцах сплевывает.

«СТАЛИНГРАД»

. А знаете, почему нельзя было ни в коем случае устраивать еврейское государство со своими границами и прочими делами?

Шарль

поворачивается к нему спиной и с сосредоточенным видом готовит раствор для пломбы.

Не знаю, замечали ли вы это, но у нас, евреев, много врагов. Всегда, во все времена было огромное количество врагов. Но есть разновидность врагов, которой у нас раньше никогда не было: это кровные враги, скопившиеся возле границ. А теперь вы видели? Как только появилась своя страна с границами, сразу же вокруг появились враги. И при этом старых врагов тоже не стало ни на одного меньше. Вы можете мне поверить: сионизм — это то же самое, что коммунизм. Очень приятно быть сионистом или коммунистом во Франции, до тех пор пока Франция не превратилась в сионистское или коммунистическое государство. Вы меня поняли?

ШАРЛЬ

(застыв с готовым раствором).

Заткните глотку и откройте рот.

«СТАЛИНГРАД»

. Ну вот, пожалуйста, какой другой дантист станет так со мной разговаривать? В точности как моя родная мама, когда хотела, чтобы я кушал: «Заткни глотку и открой рот»! Те же самые слова...

Шарль

придвигается к нему с готовым раствором и долотом в руках.

«

Сталинград

» замолкает.

Шарль

возится с пломбой, потом останавливается.

Сплюнуть?

ШАРЛЬ

. Нет, сидите смирно.

(Продолжает трудиться над зубом.)

Ну вот...

«СТАЛИНГРАД»

. Сплюнуть?

ШАРЛЬ

. Нет, сожмите зубы.

«СТАЛИНГРАД»

(продолжая говорить со сжатыми зубами).

Нам нужна не отдельная страна, а сразу отдельная планета! Отдельная планета в отдельной галактике!

Знаете, наша проблема в том, что...

ШАРЛЬ

. Сплюньте.

«

Сталинград

» сплевывает.

Шарль

приводит спинку кресла в вертикальное положение.

Все, готово.

«

Сталинград

» слезает с кресла, отряхивается.

«СТАЛИНГРАД»

. Значит, в последний-распоследний раз?

Шарль

утвердительно кивает. «

Сталинград

» расплывается и протягивает ему руку.

Шарль

собирается ее пожать. Внезапно «

Сталинград

» кидается ему на шею.

(Шепчет, обнимая.)

Мне будет вас не хватать, мне будет ужасно вас не хватать. Вдова депортированного, с которой я теперь живу, говорит со мной только о своем бывшем муже и о своих бывших детях. Я ей говорю: «Но у меня тоже, у меня тоже погибли жена, дети, родители»... Простите, я могу еще раз сплунуть?

ШАРЛЬ

(протягивая «Сталинграду» шляпу, пока тот сплевывает).
Но вы имейте в виду, здесь будет другой врач...

«СТАЛИНГРАД»

. Женщина. Знаю, ваша жена мне сказала. И как, по-вашему, я приду рассказывать о своей жизни молодой женщине, приехавшей из теплых стран?

ШАРЛЬ

. Но вы приходите лечить зубы.

«СТАЛИНГРАД»

. А что с ними делается, с моими зубами?

(Берет шляпу.)

Да нет, по соседству со мной есть очень хорошие дантисты, вы за меня не беспокойтесь. Больше беспокойтесь о себе и о мадам Кларе. О! Хотите последний анекдот — на дорожку?..

Звенит звонок.

ШАРЛЬ

. Простите, меня ждут.

«СТАЛИНГРАД»

. Послушайте, у вас же есть приемная? Пусть там и подождут, пока их примут.

ШАРЛЬ

. Я не люблю анекдотов и не люблю заставлять ждать пациентов.

«СТАЛИНГРАД»

. Месье Шарль, из каждого своего несчастья человек должен сделать маленький анекдот и рассказывать его за столом в конце трапезы. Это его мицва

[15]

.

На цыпочках входит

Клара

.

КЛАРА

(шепотом).

Шарль, пришла Марокканка...

ШАРЛЬ

(обращаясь к «Сталинграду», тоже шепотом).

Законная узурпаторша пришла захватывать трон. Хотите, я вас представлю?

«
Сталинград
» поспешно мотает головой в знак нежелания и направляется к двери.

«СТАЛИНГРАД»
(у двери, тоже очень тихо).
Совсем короткий, очень быстро: «Скажите, ребе, что будет, если я нарушу одну из десяти заповедей? —
Останется еще девять».
(Смеется.)
Все, месье Шарль, можно смеяться.

ШАРЛЬ
(приняв очень серьезное выражение лица).
По мне незаметно, но я смеюсь.

Пауза. «
Сталинград
» с серьезным видом понимающе кивает.

«СТАЛИНГРАД»
(все так же тихо).
Что поделать, весь мир предпочитает скорее смеяться, чем плакать. Нам остается приспособливаться, вы со мной согласны?

Затемнение.

13. ПЛЫВЕТ КОРАБЛЬ

Нет больше «пыточного кресла» — оно исчезло вместе с квартирой
Сподеков
и врачебным кабинетом.

Шарль
и
Клара
теперь находятся в крохотной каюте, на пути к земле обетованной. Две койки, крохотный умывальник, их чемоданы, поставленные один на другой.

Качка. Слышно, как воет ветер и бушуют волны.

ШАРЛЬ

. Почему так качает?

КЛАРА

. Мы на воде, Шарль.

ШАРЛЬ

. Спасибо за объяснение. С таким гидом, как ты, одно удовольствие путешествовать.

КЛАРА

(поет детскую считалочку).

Мой кораблик по воде,
Речка, речка,
Мой кораблик по воде,
Берегов уж нет нигде,
В воду.... шлеп
Шлеп...

У

Шарля

спазм в горле.

Тебе плохо?

ШАРЛЬ

. Просто неприятный вкус во рту.

КЛАРА

. Помнишь экскурсию по Рейну?

ШАРЛЬ

. Наверное, сожрал какую-то гадость.

КЛАРА

. Я ела то же, что и ты.

ШАРЛЬ

. И что дальше? Что дальше? Что из этого следует?

Пауза.

КЛАРА

. Ты боялся, что у девочек начнется морская болезнь.

ШАРЛЬ

. Рейнская болезнь!

КЛАРА

. В результате она началась у тебя. Весь остаток плавания я должна была держать тебе голову и одновременно расчесывать волосы их эльзасским куклам и разучивать считалочку...
(Внезапно замолкает.)

Пауза.

Шарля

снова сотрясает спазм — что-то вроде икоты.

Ты что-то сказал?

ШАРЛЬ

. Это я сам с собой.

КЛАРА

. И что ты сам себе говоришь?

ШАРЛЬ

. Ругаю себя последними словами.

КЛАРА

. За что?

ШАРЛЬ

(после молчания).

Наверное, мне не слишком легко дается расставание с моим домом, с моей страной, с моей улицей, с моим языком... Там мы на каком языке должны будем говорить?

КЛАРА

. На иврите.

ШАРЛЬ

. Ну вот...

КЛАРА

. Что «вот»?

ШАРЛЬ

. Для меня иврит все равно что китайский.

КЛАРА

. Это быстро придет.

ШАРЛЬ

. Научиться хотя бы стонать на иврите...

КЛАРА

. Они всех вновь прибывших сразу отправляют на курсы...

У

Шарля

снова спазм. Он закрывает рот руками.

Клара

бросается к нему.

ШАРЛЬ

(отстраняя ее).

Брось! Пусть все выйдет! Пусть выйдет все, что там внутри! Им для их новой страны нужен новый человек!

КЛАРА

. Жизель тоже нам поможет.

Шарль

корчится от боли над умывальником, тщетно пытаясь вызвать рвоту.

Может, попробуешь два пальца в рот.

ШАРЛЬ

(отрицательно мотая головой).

Надо, чтобы все вышло также, как вошло, само собой.

(Тяжело дышит, трогает рукой лоб.)

КЛАРА

. Тебе кажется, у тебя температура?

ШАРЛЬ

. Да нет, почему?

КЛАРА

. У тебя болит голова?

ШАРЛЬ

. Спроси лучше, что у меня не болит, сэкономишь время.

КЛАРА

. Шарль...

ШАРЛЬ
. Да, что?

КЛАРА
. Фотографии.

ШАРЛЬ
. Ты о чем?

КЛАРА
. Где наши фотографии, альбомы с фотографиями?

ШАРЛЬ
. На мебельном складе.

КЛАРА
. На складе?

ШАРЛЬ
. Вместе с книгами, безделушками, подшивками газет и...

КЛАРА
. Вся наша память на складе?

ШАРЛЬ
. Слишком тяжело, чтобы тащить с собой.

КЛАРА
. Разве мы не договорились, что возьмем фотографии?

Пауза.

ШАРЛЬ
. Если бы на складе у Кальберсона нашлось место для меня, я бы сам охотно там остался, вместе с другими лишними вещами.

Внезапно раздаются звуки песнопения. На мгновение они замолкают, прислушиваясь.

Что еще там такое?

КЛАРА
. Ты тоже слышишь?

ШАРЛЬ

. Ну да, слышу.

КЛАРА

. Значит, это не только у меня в голове.

ШАРЛЬ

. Нет, это у меня в голове тоже.

Вслушиваются в слова песнопения.

Пойди посмотри.

КЛАРА

. Я?

ШАРЛЬ

. Кто же еще?

КЛАРА

. Одна?

ШАРЛЬ

. Клара, я не в состоянии куда-то тащиться, не в состоянии!

(У него отрывка.)

Ты же видишь!

Песнопение продолжается.

Клара

выходит, шатаясь. Оставшаяся открытой дверь хлопает на ветру. Песнь заполняет пространство.

Шарль

— в промежутках между спазмами — бормочет ее слова. Потом вдруг бросается к раковине, блюет мимо нее.

Входит растерянная

Клара

.

КЛАРА

. Шарль, это ужасно.

ШАРЛЬ

. Согласен, тошнотворно, но по крайней мере наконец все вышло.

КЛАРА

. Монашенки, кругом монашенки, их столько... Они наводнили всю палубу... И поют, и поют... Ты бы только видел!

ШАРЛЬ

. Дай тряпку.

КЛАРА

. Какую тряпку?

ШАРЛЬ

. Любую. Куда они едут?

КЛАРА

. К своим святым местам.

ШАРЛЬ

. К каким святым местам?

КЛАРА

. Туда, к нам.

Шарль

вытирается, вытирает пол, садится и смеется.

У тебя это вызывает смех?

ШАРЛЬ

. Истории про монашек всегда вызывали у меня смех.

КЛАРА

. От этого просто голова кругом идет. Они поют, веселятся, некоторые водят хороводы.

ШАРЛЬ

. Похоже, качает не так сильно.

КЛАРА

. Качает так же, просто ты уже привык.

ШАРЛЬ

. Ко всему привыкаешь. Почти ко всему...

Внезапно раздается хасидская песня. Христианское песнопение постепенно затихает.

Шарль

и
Клара
слушают, сидя на своих койках. Хасидская песня звучит все громче.

КЛАРА
. Хорошо поют.

Шарль
смотрит на нее, ничего не говоря, потом ложится.

Пойду посмотрю.

ШАРЛЬ
. На кого?

КЛАРА
. На наших.

ШАРЛЬ
. Может, тебе там попадется «Монд», мне начинает не хватать страницы некрологов.

КЛАРА
. Скоро будешь читать свои некрологи на иврите.

ШАРЛЬ
. Будем надеяться.

КЛАРА
. Ну я пошла.

ШАРЛЬ
. Смотри не простудись.

Она уже успела выйти. Дверь снова хлопает на ветру.
Шарль
поднимается и нетвердым шагом идет ее закрывать.

Темнеет.

ЭПИЛОГ

Церковные песнопения и хасидская песня постепенно переходят в молитвы. Тем временем на сцене появляется

Хор

.

ХОР

. Ну вот, пришло время расставаться со Сподеками. Они плывут к тебе, земля обетованная. Плынут, ничего не ведая об им обещанной стране. Плынут, страдая морской болезнью и неся с собой свою боль — материнскую и отцовскую. Совсем скоро корабль минует Кипр и после короткой стоянки возьмет курс на землю обетованную.

КЛАРА

(голос за сценой).

Шарль, Шарль! Скорее поднимайся наверх! Виден берег!

Шарль

приподнимается на койке.

КЛАРА

(появляясь в дверях каюты).

Скорей, а то все пропустишь!

(Исчезает.)

Шарль

одевается. Песнопения и молитвы звучат мощнее.

Клара

появляется снова.

Надень темные очки и соломенную шляпу! Плыдем вдоль берега, какая красота!

ШАРЛЬ

(надевая на голову соломенную шляпу и доставая очки).

Ну вот, сразу чувствуешь себя легче...

(Надевает темные очки и ощупью, нетвердым шагом идет к двери.)

ХОР

. Если на постановку отпущены приличные средства (чего автор желает от всего сердца) и если позволяет сценическое пространство, то зритель увидит высоко под колосниками в свете (пусть и искусственном)

заходящего солнца Клару и Шарля, открывающих для себя землю обетованную, смешавшихся с толпой таких же, как они, искателей забвения и новой жизни, бок о бок с монашенками и послушницами, со священниками, попами и пасторами в одинаковых одеждах паломников, одинаково охваченными волнением, верой и надеждой. Если же средств не будет, придется ограничиться затемнением, сопровождаемым тишиной. Впрочем, тишину, возможно, нарушит раздавшийся вдали призывный крик муэдзина, внезапно заставив нас чутко прислушаться...

К ТЕБЕ, ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

(
песнопение
)

1.

Народ, избранник Бога,
Кочевник в бескрайней пустыне,
Бежав от вражды и от рабства.
Под небом лазурным шагает.
Идет он к земле далекой.
Богом обещанной предкам,
Где в безмятежном мире
Излечатся все страданья.

Припев:

К тебе, земля обетованная,
Народ, избранник Бога, руки тянет.
К тебе, земля обетованная,
Он сердцем всем и верой обращен,
К тебе, земля обетованная,
Шагает он сквозь битвы и страданья,
К тебе, земля обетованная, к тебе!

2.

Сгибаясь под гнетом лишений,
Идут вместе с ним все народы,
В поисках радости, света,
С жаждой бескрайнего мира.
Так где та земля, что надежды
Народов поймет и исполнит?
Хоть им и неведомо это,
Но к Храму они устремились.

3.

Цепи старинного рабства
Спасителем нашим разбиты.

И дальше мы путь продолжаем
К иному, к лучшему миру,
К вечной земле, что на небе.
Смерть нас туда приведет.
Господь отворит туда двери,
Если верны ему будем.